

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

Не служи
никому,
кроме себя

18+

ДАНИЭЛЬ Л. ДЖЕНСЕН

Даниэль Л. Дженсен
Проклятие,
вырезанное на кости
Серия «Путь Героини.
Героическое ромэнтези»
Серия «Сага о судьбовольных», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74596651
ISBN 978-5-04-254563-4

Аннотация

После предательства Бьорна Фрея вынуждена отправиться на север, в Нордланд. Земли, которые холодны так же, как ее обманутое сердце. Ярл Снорри ни за что не позволит своему ключу к победе оказаться в руках врага и скоро подойдет к северным берегам. Меж двух огней Фрея должна оставаться стойкой, чтобы выжить и не поступиться принципами.

Однако боги не любят, когда люди идут против их воли. Страшное пророчество начинает сбываться, кровь Хель берет верх, и Фрея уже не уверена, что ее народ заслуживает милосердия. Дитя двух богинь, кто она теперь – щит для Скаланда или проклятие, которое уничтожит всех?

Вторая часть новой дилогии Даниэль Л. Дженсен, автора популярного цикла «Королевство моста».

Высокие рейтинги на платформах Amazon и Goodreads, бестселлер New York Times.

Для поклонников творчества Сары А. Паркер, Сары Дж. Маас и Ребекки Яррос.

Героическое фэнтези, вдохновленное скандинавской мифологией.

Сильная, острая на язык главная героиня и харизматичный главный герой.

Содержание

Глава 1. Фрея	7
Глава 2. Бьорн	16
Глава 3. Фрея	34
Глава 4. Фрея	42
Глава 5. Бьорн	50
Глава 6. Фрея	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Даниэль Л. Дженсен

Проклятие, вырезанное на кости

Danielle L. Jensen

A CURSE CARVED IN BONE (Saga of the Unfated #2)

Copyright © 2025 by Danielle L. Jensen All rights reserved.

Перевод с английского Юлии Журовой

Иллюстрации на переплете и форзацах Chakiryshka

© Журова Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Фрея

Шторм налетел без предупреждения, атакуя драккары и отгоняя нас от скалистого берега с такой яростью, что, должно быть, сами боги не хотели, чтобы мы пересекали пролив. Пока норды боролись с бушующими волнами, все мои восторженные представления о славе морских походов были быстро развеяны холодом. Сыростью. Но больше всего – бесконечной рвотой.

Не моей, поскольку я была привычна к морю, но содержимое желудков почти всех остальных, включая рабов Харальда в капюшонах, заполняло корпус корабля. Лучше пробираться через рвоту, чем перегибаться через борт и рисковать быть сметенным разъяренным морем.

– Каким же это будет разочарованием, – кричала я сквозь раскаты грома и шум бушующих вод, – если все ваши заговоры и планы окажутся напрасными и мы закончим свои дни на дне моря!

Все на борту уставились на меня, хотя во взгляде Торы не было ничего угрожающего, учитывая, что в этот момент из ее рта хлынула рвота. Я рассмеялась и прислонилась к корпусу, где сидела под тюленьей шкурой, защищенной моей магией, чтобы брызги не проникали внутрь.

– Или, возможно, даже не такая славная смерть, которую дарует Ньёрд, а смерть от того, что ваши внутренности вы-

вернутся наружу. Я слышала столько грандиозных историй о свирепости нордов, но вы выглядите просто жалко.

– Она когда-нибудь затыкается? – спросил Харальд Бьорна. Конунг Нордланда не миновала морская болезнь, отчего его терпение понемногу иссякало. Я одарила его лучезарной улыбкой и была вознаграждена хмурым взглядом.

Но Бьорн, неподвластный волнам, лишь склонился над веслом, которое сжимал в руках. Что было прискорбно. Если кто и заслуживал того, чтобы почувствовать горький привкус желчи, так это он и его лживый язык.

– Ты не будешь знать покоя, отец, – наконец ответил Бьорн, и мышцы его спины напряглись под туникой, когда он изо всех сил начал грести. – Но я напомню тебе, что ты сам навлек на себя ее гнев.

Челюсти Харальда сжались. Вместо ответа он лишь налег на свое весло, напрягая слабые руки. Даже конунг Нордланда не был освобожден от необходимости грести в этом кошмаре, требовались все силы на то, чтобы не сбиться с курса. Северный пролив был печально известен тем, что уносил жизни, и владениям Ньёрда не было дела до власти конунгов.

Как и до детей богов.

Волна захлестнула драккар и ударила мне в лицо с такой силой, что стало больно. Грудь сковал страх, потому что дышать в этом ледяном потоке было невозможно. Корабль накренился и заскользил по провалу между волнами, мрак глубин, казалось, потянулся ко мне. Я цеплялась за все, за что

могла ухватиться, ногти царапали дерево, в ушах звенело от воплей рабов, которые потеряли опору. Падение означало смерть, потому что в бушующем море не было спасения.

И все же страх сменился тоской, когда я пристально смотрела на темную воду. Она шептала слова, обещавшие избавление от горя, разрывавшего мое сердце. От ярости, терзавшей мою душу. От одиночества, наполнившего нутро, ведь я потеряла все, что имело для меня значение, включая мое предназначение.

Море потянулось ко мне, и мои пальцы ослабили хватку, разбитое сердце жаждало передышки от боли. Хотело погрузиться вниз, вниз, вниз, во тьму.

Только для того, чтобы я крепче сжала их, когда в моей голове раздался шепот Хель:

Зачем сдаваться, если у тебя есть сила вернуть все, что должно быть твоим? Сила вернуть все, что у тебя украли? У меня нет такой силы.

Ее смех был тихим и в то же время громким, как раскаты грома в моей голове. *Ты повелительница смерти, дочь. Все, кто дышит, боятся твоей власти.*

Я не хочу, чтобы меня боялись.

Перед моим мысленным взором предстала улыбка, слегка изогнувшая губы и обнажившая кости. Это зрелище заставило мое сердце заколотиться, но именно от ее слов руки превратились в лед. *Страх – это оружие, с помощью которого ты добьешься того, чего хочешь.*

Драккар выровнялся, избежав угрозы затонуть.

Я смахнула соль с глаз, не уверенная, были ли это слезы или морская вода. Грохот моего пульса не имел ничего общего с тем, что я оказалась на волосок от смерти.

Страх – это оружие, с помощью которого ты добьешься того, чего хочешь.

Чего я хотела?

Я не знала, но бурлящий во мне поток эмоций требовал выхода. Мой взгляд остановился на Стейнунн, ее выворачивало наизнанку от качки, и я закричала:

– Скальд, ты напишешь песню об этом путешествии? Если да, пусть она будет называться «Сага о морской болезни». Или, может быть, «Тошнотворный набег». Нет... «Песнь о блевунах»!

– Замолчи! – закричала Скади со своего места, ее алые волосы разметались по лицу. – Заткнись, ты, крикливая сука!

– А если я откажусь? – Я дико расхохоталась, когда Скади передала весло сидящему рядом с ней рабу, и в ее руках появился сияющий золотой лук. То самое оружие, которым она убила мою мать. – Пронзишь меня стрелой? Бросишь за борт?

Она подняла лук, накладывая на тетиву смертельную зеленую стрелу, которая никогда не промахивалась.

– Сделай это! – Крик вырвался из моего горла. Не из-за желания быть убитой, а потому что я хотела, чтобы она почувствовала ту же неуверенность, которая терзала мою соб-

ственную душу. – Я позволяю тебе сделать это!

Скади лишь туго натянула тетиву, в ее сверкающих голубых глазах отражалось множество чувств – нерешительность не входила в их число.

У меня пересохло во рту от внезапной уверенности, что я своей бравадой погубила себя. Но оружие исчезло, когда Харальд рявкнул, приказывая ей держать себя в руках или отвечать за последствия.

Не заботясь о том, что мой смех звучит безумно, потому что в любом случае это было лучше, чем рыдания, я закричала:

– Вы все стольким пожертвовали, чтобы выкрасть меня, что, думаю, я могу говорить все, что захочу, а вам придется слушать! У вас нет выбора, кроме как терпеть мои слова. Вы хотели меня? Я вся, черт возьми, в вашем распоряжении, так что радуйтесь! Наслаждайтесь плодами своего труда!

Скади бросилась на меня, размахивая маленькими кулачками.

Хотя я сама напросилась, она все равно удивила меня. Ее кулак врезался в мою скулу и отбросил назад. Я ударилась головой о мачту, в глазах вспыхнули звезды, а руки Скади потянулись к моему горлу.

– Тебя нужно уничтожить, – кричала она мне в лицо. – Ты чума, дитя Хель!

Я резко подняла колено и впечатала его ей между ног. Она взвизгнула от боли, но не отпустила, пальцы неумолимо сжи-

мали мое горло.

Затем Бьорн схватил Скади за талию. Он оттащил ее, но в ответ она выплеснула свой гнев на него, и все превратилось в хаос.

Рабы отшатнулись, когда эта пара влетела в них. Драккар застонал и накренился, погрузившись в накатившую волну. Вода обрушилась на меня, тяжелая и безжалостная. Все вокруг опрокинулось, и я покатила, перед глазами замелькали дерево, волны и почерневшее небо.

А потом руки схватили меня за запястья, кожа Бьорна жарко прижалась к моей, когда он придавил меня к днищу корабля.

– Ты хочешь, чтобы мы все погибли?

– Да! – закричала я, пока остальные боролись с веслами. – Именно этого я и добиваюсь!

– Если ты умрешь, то никогда не получишь ответов! – Он удерживал меня на месте, пока я вырывалась и пыталась ударить его коленом по яйцам. – Ты никогда не узнаешь правду!

– Не говори мне о правде!

Чтобы избежать моих коленей, он протиснулся между моих ног и прижался бедрами к моему тазу, пока корабль раскачивался. Против моей воли в голове пронеслись воспоминания о произошедшем в пещере, когда счастье казалось возможным. Воспоминания о его губах, прикосновениях, члене глубоко внутри меня, когда он сделал меня своей. И мои предательские желания нахлынули вопреки страху и ло-

гике, похоть игнорировала то, что желанный мужчина – мой враг.

Только ярость могла прогнать это желание, и я потянулась к своему гневу, освобождая всю жестокость, порожденную болью в моем сердце. Обхватив ногами талию Бьорна, я прижалась к нему и насмешливо произнесла:

– Правду, которая вернет тебе это?

Он крепче сжал мои запястья, когда драккар сильно качнуло, и я уперлась каблуком сапога в его спину, чувствуя, как он прижимается ко мне.

– Правду, которая вернет тебе твою красавицу Фрею, чтобы ты мог жениться на ней?

Подняв голову, я поцеловала его, прикусив зубами нижнюю губу так сильно, что он отшатнулся.

– Чтобы ты мог стать фермером? Чтобы у тебя были красивые дочери, похожие на нее? Правду, которая обеспечит тебе старость в ее объятиях?

Я швырнула мечту, которую он подарил мне в пещере, прямо в лицо, наслаждаясь вспышкой боли в его глазах, потому что хотела, чтобы ему было так же невыносимо, как и мне.

– Нет такой правды, которая вернула бы меня тебе, потому что ты лжец. Предатель. Чертов трус, который не заслуживает того, чтобы увидеть Вальхаллу!

– Ты думаешь, что знаешь все, Фрея, – сказал он. – Но ты не знаешь ничего.

Я плюнула ему в лицо:

– Я знаю, что буду ненавидеть тебя до последнего вздоха, Бьорн. И это уже кое-что.

– Можешь ненавидеть меня сколько хочешь. – Он отпустил мои запястья. – Но твой последний вздох случится не сегодня, Огнерожденная.

Я смотрела, как он возвращается к веслам и присоединяется к остальным, пытающимся провести драккар сквозь бурю.

– Всеотец видит все, что было, и все, что предначертано Норнами. – Харальд перестал грести, и его серые глаза встретились с моими. – Сага – его дитя, а знание – его дар. У других провидцев могут быть ответы, но Сага, похоже, связана с твоей судьбой. Возможно, она откроет истины, которые ты так жаждешь найти. – Не дожидаясь ответа, Харальд снова повернулся вперед и продолжил грести.

Мой гнев медленно угасал, оставляя после себя одну пустоту. Запрокинув голову, я уставилась на почерневшее небо и клубящиеся тучи, среди которых вспыхивали молнии. Чего бы я только не отдала за то, чтобы моя судьба была предначертана. Чтобы высшие силы уже определили ход моей жизни, чтобы ответственность за все, что я говорила, все, что делала, и все, чего я когда-либо хотела, можно было возложить на них.

Но две капли крови богинь в моих венах – одна от Хлин, другая от Хель – означали, что я сама отвечаю за послед-

ствия своих действий. Неудачи и успехи. Кошмары и сны. Любовь и ненависть.

Чего я хотела?

Этот вопрос запал мне в душу, потому что я нуждалась в ответе. Мне нужна была цель, которая вела бы меня вперед. Оставаться там, где я была, той, кем я была, означало испепелить себя изнутри.

Мне нужна была правда.

Я хотела услышать лично о том будущем, которое предвидела Сага, потому что дети Одина не лгут. Хотела узнать историю о том, что произошло между ней и Снорри. Хотела получить ответ на вопрос о том, был ли Харальд злодеем, как мне говорили всю мою жизнь.

Но больше всего мне нужна была правда о том, кто я.

Встав на колени, я поползла вперед, пока не нашла свободное место рядом с рабом с сильно татуированными руками. Взявшись за весло, я вложила всю свою силу и посмотрела на скалистое побережье Нордланда. Ветер ослабел, море начало успокаиваться, и если Норны наблюдали за нами, я была уверена, что они боялись будущего, которое создали.

Потому что я была Фреей, Рожденной в огне. Дочерью Хлин. Дочерью Хель.

И я собиралась сама сплести свою судьбу.

Глава 2. Бьорн

Когда мы выталкивали драккар на берег, над головой сияло чистое небо. Каждый мускул в моем теле болел, и я не чувствовал вины, когда оставил рабов Харальда разгружать судно и зашагал по земле, которая была для меня роднее, чем любая другая. Мы высадились на Штормнесе – мысе, вдававшемся в пролив, откуда в ясный день можно было увидеть Скаланд. Берег был узким и скалистым, за ним возвышались горы, покрытые густым лесом, вершины которых все еще оставались белыми от снега.

Опустившись на колени, я набрал горсть крупного песка и крепко сжал, наслаждаясь ощущением Нордланда и одновременно проклиная судьбу за то, что она вернула меня сюда.

– Судьба не властна над тобой, Бьорн, – сказал Харальд, проходя мимо меня по берегу и словно читая мои мысли. – Твоя судьба не предопределена, а значит, ты сам выбрал этот путь, даже если не знал, куда он приведет.

Я никогда не беспокоился о том, что люди с кровью богов могли изменить будущее, потому что это невозможно было доказать. Невозможно было узнать, изменил ли мой выбор узор, сплетенный Норнами, или я поступил именно так, как они предсказали. Все мои действия в последние дни были направлены на освобождение Фрей от тех, кто хотел убить ее

или использовать для реализации собственных амбиций, но все, чего я добился, – это передал власть над ней от одного конунга другому.

– Мы здесь благодаря тебе, отец.

Он лишь с пониманием посмотрел на меня и пошел дальше по берегу к деревьям.

С пониманием, потому что нельзя было отрицать, что, когда мои планы увезти Фрею рухнули и она узнала о моем предательстве, я надеялся, что правда заставит ее простить мою ложь. Я надеялся, что манящий проблеск будущего, которого я так отчаянно желал, снова станет моим, когда она поймет, почему я поступил так, как поступил. Надежды мужчины, у которого дерьмо вместо мозгов, потому что никакая *правда* не сможет умерить кипящий гнев в сердце моей Фрей.

Она больше не твоя, шептала логика, хотя мое жадное сердце кричало, что она будет моей вечно.

Отбросив горсть песка, я встал и пошел за Харальдом к деревьям. Воздух был холоднее, чем в Скаланде, вонь гниющих водорослей смешивалась с бодрящим ароматом сосен, мшистая земля пружинила под моими сапогами. Ветер раскачивал ветви деревьев, лес оживлялся пением птиц и суетой мелких существ. Дикое место. Хотя лето здесь было достаточно мягким, немногим хватало духа пережить суровость зимы Нордланда.

Человек, который был мне отцом большую часть моей

жизни, выбрал приглянувшийся камень и опустился на него. Харальд стянул сапоги, вытряхнул из них песок и отбросил в сторону. Пока я молча наблюдал за тем, как он снимает тунику и отжимает морскую воду из промокшей ткани, его бледная кожа посинела от холода. Он похудел, морщинки возле глаз и седые пряди в золотисто-каштановых волосах выдавали его возраст. Обычный мужчина, хотя за время, проведенное в Скаланде, я порой забывал об этом, поскольку Снорри всегда описывал его как существо, способное на сверхъестественное злодейство.

В Нордланде Харальд был спасителем. Освободителем и защитником слабых. Я своими глазами видел его добрые дела. Я был обязан ему жизнью, как и многие из тех, кто служил ему. И все же он был не больше героем, чем злодеем. Он был всего лишь человеком, а выбор человека не может быть полностью альтруистичным, тем более того, кто прошел путь от местного ярла до конунга.

— Ты снова говоришь как скаландец. — Харальд вздохнул и снова сжал ткань своей туники, капли воды упали на мох. — Это напоминает мне о том, как Сага впервые бежала в Нордланд с тобой, бредившим от боли ожогов. Ты был совсем мальчишкой, но даже тогда не плакал, только клялся отомстить Снорри за то, что он сделал. Мы с тобой вместе пересекли бы пролив и уложили Снорри в могилу, если бы твоя мать не удержала нас. Я желал смерти Снорри больше, чем чего-либо другого за всю свою жизнь, и все же Сага угово-

рила меня не делать этого. Я всегда был рабом ее желаний, но теперь жалею, что не проявил твердость.

— Я помню. — Я слышал акцент скаландца в своем голосе, но не мог избавиться от него, не прилагая значительных усилий. Я смирился с ним, чтобы лучше вписаться в Хальсар, чтобы скаландцы забыли, что меня не было столько лет, но ничего не вышло. Я всегда оставался чужаком. Всегда нордом.

Особенно в сердце.

Натянув влажную одежду, Харальд наконец посмотрел на меня. Его взгляд был тяжелым как всегда.

— Теперь, когда мы наконец остались наедине, ты не потрудишься объяснить мне почему?

Почему.

Вопрос, не требующий пояснений, и я глубоко вздохнул, прежде чем ответить:

— А это имеет значение?

Харальд покрутил золотое кольцо, скреплявшее его бороду, затем покачал головой:

— Имеет ли это значение? Конечно, мне важно знать, почему ты решил разрушить планы, которые мы строили всю жизнь. Я действовал по приказу твоей матери, по твоему приказу, и все же ты, кажется, готов плюнуть мне в лицо за то, что я поступил именно так, как ты хотел. Это были твои планы, Бьорн, а не мои, и все же ты относишься ко мне как к своему врагу.

– Ты мне не враг, отец. Но все меняется.

– О да. Все. – Харальд поморщился. – Вроде того, что дева щита оказалась женщиной несравненной красоты? Уродливых убивать гораздо легче, не так ли? Будь у Фреи лицо, похожее на лошадиную задницу, я не сомневаюсь, ты бы без колебаний выполнил волю своей матери, но этого не произошло. Снорри жив. Фрея жива. Угроза Нордланду так же реальна, как и раньше, потому что наши судьбы не изменились. И все из-за симпатичного личика.

– Ее внешность тут ни при чем. – Это была ложь, потому что я помнил, как впервые увидел Фрею. Солнечные лучи подчеркивали гнев на ее лице, когда она спасала рыбу за рыбой от вспыльчивого Враги, и каждая ее частичка кричала о неповиновении. Да, она была красива, но именно ее свирепость побудила меня пересечь фьорд, чтобы поговорить с ней. Одетая в домотканое платье, вооруженная только словами, она была свирепее любого воина, которого я когда-либо встречал на поле боя. – Убивать ее было неправильно, – пробормотал я, не в силах облечь свои доводы в слова, которые не вызвали бы его насмешек. – Почему она должна умереть за преступления Снорри?

– Потому что твоя мать сказала, что это единственный способ спасти тысячи жизней, – ответил Харальд. – Хотя она не понимала, что делает Фрею столь опасной, Сага знала, что та обладает силой, способной разрушить и Нордланд, и Скаланд. Снорри – злодей, но дева щита – его оружие, и без нее

он лишится возможности причинить реальный вред. Сага поручила тебе это задание, потому что твоя судьба не предначертана, ты обладаешь способностью менять будущее, которое показал ей Всеотец. Но когда тебе представилась возможность, ты не исполнил ее волю. Потому что тебе показалось это неправильным. – Его губы скривились от отвращения. – Или, может быть, потому, что ты думал членом, а не головой?

– Моя мама согласилась, что план нужно изменить, – парировал я. – Когда я говорил с ней во Фьялльтиндре, она согласилась, что Фрея может пойти другим путем, если мы освободим ее от Снорри. Она не настолько кровожадна, чтобы желать смерти невинной женщине, когда возможен другой выход.

Харальд вздохнул:

– Сага не согласилась с тобой, Бьорн, она просто поняла, что ты влюблен в Фрею и не захочешь причинить ей вред. Она просила меня сделать это за тебя, но это была мольба матери, а не стратегия провидицы. Я всего лишь смертный человек, и мне не дано изменить будущее, предначертанное Норнами, а это означало, что мне суждено было потерпеть неудачу.

Он бросил на меня косой взгляд, говоривший о том, что ему известна моя роль в срыве покушения. Перед моим мысленным взором невольно возникла обнаженная по пояс Фрея, ее голова, увенчанная оленьими рогами и запрокину-

тая назад, когда я впервые попробовал ее на вкус. Я моргнул, прогоняя это видение, потому что та же угроза, от которой я защищал ее тогда, оставалась и сейчас.

– Значит, моя мать все еще желает смерти Фрей? Она все еще верит, что это единственный способ изменить будущее? – Потому что меньше всего я хотел, чтобы Фрея оставалась в Нордланде, если моя мать жаждала ее смерти.

В тысячный раз в своей жизни я беззвучно кричал — *почему я не могу просто убить Снорри и покончить с этим?*

Беззвучно, потому что мама была непреклонна в том, что убийство Снорри – не выход, и не желала слушать никаких доводов в пользу обратного.

– Я не знаю, что сейчас думает Сага по этому поводу и не послал ли ей Всеотец новые видения будущего. – Харальд уперся локтями в колени. – Я не видел ее долгие недели, потому что она вернулась в свою хижину после того, как мы покинули Фьялльтиндр. Ее истощает присутствие такого количества душ.

Неудивительно, моя мать всегда отчаянно нуждалась в уединении, и тяжесть видений трагичного будущего была больше того, чем могло вынести ее сердце. Я чуть не рухнул от потрясения, когда впервые увидел ее в Фьялльтиндре, но это не помешало мне позже тайком сбежать, чтобы попросить у нее совета.

Сквозь деревья я заметил людей, спешащих по берегу. На их щитах красовались синие полосы Нордланда и символ их

ярла. Воины из флота Харальда, достигшие побережья раньше нас. А это означало, что короткий момент, когда я мог узнать о планах отца так, чтобы никто не подслушал, подошел к концу.

– Что ты собираешься делать с Фреей? – Прямой вопрос, требующий ответа. Харальд долгое время искал ее смерти, но все изменилось, когда он увидел, как она использует магию Хель. Невозможно было не заметить восторга в его взгляде, когда он узнал, на что она способна. Я подозревал, что теперь он планировал включить ее в свою семью детей богов, которую использовал для защиты берегов Нордланда. Он бы не отказался от такого смертоносного оружия, как Фрея, если бы у него был выбор.

Или если бы моя мать не попросила его поступить так, что было очень вероятно.

– Она опасна. – Харальд перевел взгляд с приближающихся воинов на Фрею, которая стояла у кромки воды под пристальным взглядом Торы. – Она обладает силой не только убивать, но и отправлять души к своей божественной матери в Хельхейм. Воины, смеющиеся в лицо смерти, будут бежать от Фреи, потому что она способна лишить их Вальхаллы. Но не это пугает меня в ней. – Он надолго замолчал, прежде чем добавить: – Меня приводит в ужас ее ярость.

Словно услышав наши слова, Фрея обернулась, и алый отблеск полыхнул в ее взгляде через весь берег и деревья. Ее светло-русые волосы свободно спускались до талии, спутав-

шись от морской воды и ветра. Если бы не тот факт, что у нее были ноги, а не рыбий хвост, я бы сравнил ее с хавфру¹, которые, как говорят, заманивают неосторожных моряков на верную смерть. Хотя, по правде говоря, даже обезоруженная, Фрея была гораздо опаснее.

– Ее ярость – одна из причин, по которой я пытался скрыться с ней. Я не понимал, что это влияние Хель, но я видел, как она меняется, когда Снорри использовал ее в своем стремлении стать конунгом. Видел, как она превращается в чудовище, которого боялась моя мать, и хотел защитить ее от этого. Я...

– Хотел изменить ее судьбу?

Я медленно кивнул:

– Сейчас это кажется глупым, ведь это Хель заставляет ее чувствовать себя так, а не Снорри. Бегство ничего бы не изменило.

Харальд расхохотался, а я нахмурился.

– О, снова стал молодым и глупым, – наконец сказал он, вытирая глаза. – Вспомни, чему тебя учили, Бьорн, или я посажу тебя к Стейнунн, чтобы она напомнила. Хель – богиня смерти и хозяйка Хельхейма, но она не злодейка, стремящаяся к разрушению. Она... *алчная*, за неимением лучшего слова. Она *жаждет*. Что заставляет меня задуматься о том, что нужно Фрее. В чем ей было отказано, что заставляет ее сердце гореть такой яростью, что глаза превращаются в пла-

¹ Термин в скандинавской мифологии, используемый для описания русалок.

мя. Не вини Хель, ибо гнев, который ты видишь, принадлежит Фрее, и только ей.

Я мог придумать бесчисленное множество причин для гнева Фрей – и, безусловно, я был одной из них, – и все же мои инстинкты подсказывали, что я не понимаю, почему ее гнев был таким неистовым.

– Выясни, чего хочет Фрея, – сказал Харальд. – Это ключ к тому, чтобы усмирить ее и тем самым изменить мрачную судьбу, предсказанную твоей матерью.

Я нахмурился, услышав его слова. *Усмирить*. Это звучало слишком похоже на *изменить*, а я ничего не хотел в ней менять. И все же я сказал:

– Она хочет знать правду.

– Тогда отвези ее к Саге, чтобы она узнала правду. – Отец схватил меня за плечо. – Я прощаю тебя, Бьорн. Я прощаю тебя, потому что понимаю, что ты действовал из любви к Фрее, а не из злобы ко мне или Нордланду. Видят боги, я принимал сомнительные решения ради твоей матери, поэтому не могу судить тебя строго. Женщины владеют своей красотой как оружием, и нет никого прекраснее Саги.

Я поднял глаза к небу:

– Избавь меня от своей любовной поэзии о моей матери. В жизни есть вещи, о которых мне лучше не знать, и это одна из них.

Харальд рассмеялся, но затем его взгляд стал острым.

– Ты помнишь видение о Фрее, которое было даровано

твоей матери после приезда в Нордланд?

Как будто я мог забыть, как моя мать упала передо мной на колени, закатив глаза. Чужим голосом она шептала, что дева щита объединит Скаланд, но тысячи людей погибли из-за этого. Что дева щита будет ходить по земле, как чума, натравливая друзей друга на друга, брата на брата, и все будут бояться ее.

– Ты же знаешь, я помню.

Харальд медленно кивнул.

– Долгое время целью твоей жизни было не только противостоять судьбе Снорри, которую предвидела твоя мать, но и предотвратить кровавые последствия, которые принесет его правление на наши земли, орудием которых станет дева щита. Ты верил, что похищение Фрей предотвратит это мрачное будущее, но мне кажется очевидным, что она не может убежать от судьбы, которую предвидела Сага. Она должна бороться с ней. Вопрос, на который нужно ответить, – готовы ли ты сражаться с ней рядом?

В этом не было сомнений. Я буду за спиной Фрей до самых врат Вальхаллы и дальше.

Хотя я ничего не сказал, Харальд слегка кивнул в знак одобрения.

– Твой путь тот же, что и всегда, Бьорн, – не допустить Снорри в Нордланд. Лишить его сил. Как этого лучше всего достичь, я не знаю. Мы можем только надеяться, что у твоей матери есть ответы.

– Если она скажет, что смерть Фрей – единственный выход, что ты будешь делать? – спросил я снова, потому что в первый раз он не ответил на мой вопрос.

Ветер завывал в лесу, этот звук преследовал и наполнял дурными предчувствиями, пока светло-серые глаза Харальда изучали меня. Затем он сказал:

– Давай оба помолимся, чтобы до этого не дошло.

Скади перехватила приближающихся воинов и теперь вела их в нашем направлении. Харальд воспитывал нас как братьев и сестер, но мы со Скади всегда были готовы вцепиться друг другу в глотки. Мать бросила ее, и горечь, которую Скади испытывала из-за этого, настроила ее против всех женщин, особенно тех, кого она считала слабыми. Она безжалостно издевалась над слугами, пока Харальд не наказал ее, но это лишь заставило ее действовать хитрее. Я никогда не видел, чтобы Скади действительно убивала женщину за слабость до убийства матери Фрей, но, оглядываясь назад, я должен был это предвидеть. Кельда воплощала в себе все, что она ненавидела.

Скади пристально посмотрела на меня, словно прочитала мои мысли, но я проигнорировал ее, когда заговорил один из воинов.

– Мой конунг. – Он низко поклонился. – Мы рады видеть тебя в добром здравии. Когда небо потемнело, а твой драккар не достиг берега вместе с флотом, мы опасались худшего.

Харальд пренебрежительно махнул рукой:

– Ничего особенного, просто непогода.

Я насмешливо хмыкнул:

– Это говорит человек, от которого до сих пор разит блевотиной.

– Есть разница между дискомфортом и опасностью, – ответил Харальд. – Деве щита никогда не грозила опасность погибнуть в бушующих волнах, и я положился на эту истину. Все остальные корабли прибыли?

– Да, мой конунг. – Воин поправил щит, висевший у него за спиной. – Большинство вернулось в свои крепости и залы, как ты приказал. Остальные отправились к устью Римстрома, но мы ждали, чтобы обеспечить твое безопасное возвращение.

– Да, да, – перебила его Скади, а затем подошла к группе воинов и толкнула вперед невысокого мужчину. Я сразу узнал Гутрума. Тощий, как древко копья, со спутанными каштановыми волосами и нечесаной бородой, Гутрум предпочитал жить в глуши, как можно дальше от людей. За годы разлуки он совершенно не изменился, но кречета, сидящего на его плече, я раньше не видел.

– Мой конунг. – Гутрум низко поклонился, а кречет взъерошил свои перья и повторил его жест. – Я принес плохие новости. Вернее, это сделала Кайя.

– Где твой лис? – спросил я, потому что, когда я покинул Нордланд, его фамильяром был маленький рыжий лисенок, а лисы не могут пересекать гребаные моря.

Карие глаза Гутрума встретились с моими.

– Волки. Две зимы назад. Я спас Кайю, когда она была еще пленцом, и Йорд соединила наши разумы.

У меня внутри все сжалось, потому что это означало, что почти два года у Харальда в небе Скаланда был шпион. Гутрум был сыном Йорд, а это означало, что он мог мысленно общаться со своим фамильяром. Хуже того, он мог видеть глазами своего фамильяра, а Гутрум отличался верностью. Он все передавал Харальду.

– Что видела Кайя? – потребовал Харальд. – Она видела Снорри?

Гутрум сглотнул, его взгляд метнулся ко мне, а затем туда, где стояли Фрея и Тора, наблюдающие за происходящим.

– Скаландцы обыскиали подножие водопада, как только вы ушли, – сказал он. – Они обыскиали и сам Торн, и рыбацкие лодки, сейчас прочесывают побережье. Снорри убежден, что дева щита и Бьорн еще живы, и назначил награду тому, кто сообщит, где они находятся.

Я стиснул зубы, вспомнив о своем заблуждении, что все поверят в нашу с Фреей гибель и не будут искать тела в бесконечных водоворотах водопадов. Теперь это казалось чистейшим идиотизмом, и я сжал кулаки от злости на себя за то, что мы не смогли никого одурачить.

Харальд подергал себя за бороду, не демонстрируя ни удивления, ни беспокойства.

– Он подозревает, что Фрея и Бьорн с нами в Нордланде?

Гутрум слегка кивнул:

– Он считает, что вы слишком легко отступили. Считает, что вы нашли их сразу после того, как они прыгнули в водопад. Он доказывает Ильве, что если бы вы нашли их мертвыми, то дали бы знать об этом, а значит, они должны быть живы.

– Снорри, мой старый друг, ты не дурак, – пробормотал Харальд себе под нос, а затем покачал головой. – Бьорн, он неизбежно узнал бы, что вы с Фреей живы. Слишком многие видели ваши лица, и, хотя мне хотелось бы, чтобы все мои воины были верны, достаточно лишь одному соблазниться перспективой богатства, и уловка будет раскрыта. Нам нужно отправиться вглубь страны, в безопасный Храфнхейм.

Мое сердце екнуло при упоминании крепости, в которой я вырос. Это был мой дом, потому что мать настояла, чтобы я остался с Харальдом и стал воином. Там были мои друзья и семья, которую я создал из уз, крепких как кровь.

От размышлений меня оторвал голос Фрей.

– Я не соглашалась ехать в Храфнхейм, только увидеть Сагу, которая, как сказала мне Тора, живет в другом месте. – Она подошла. Тора держалась позади нее, положив руку на рукоять меча. Моя сестра и подруга. Или, по крайней мере, когда-то была ею. Многое изменилось.

– Чтобы добраться до хижины Саги, нужно миновать Храфнхейм, – ответил Харальд. – Вам понадобятся лошади и припасы, все это можно найти в городе.

– Город, который является твоей крепостью. – Фрея скрестила руки на груди. Такая красивая и свирепая, что у меня защемило в груди, и это чувство ничуть не уменьшилось, когда она бросила в мою сторону убийственный взгляд.

– Ты думаешь, я добровольно войду в твою крепость? – спросила она. – Даже в маленьких рыбацких деревушках Скаланда мы слышали о Храфнхейме, и в первую очередь о том, что никто, кроме нордов, не видел его изнутри и не покидал его, чтобы рассказать о нем. Кто может поручиться, что вы не собираетесь запереть меня в тюрьме до конца моих дней?

Харальд был не из тех, кто запирает людей в тюрьмах. Он предпочитал другие формы наказания, и мой взгляд метнулся к его рабам – Безымянным, – которые стояли на коленях на песке в своих черных капюшонах.

– Даю слово, что я не собираюсь запирать тебя в своей тюрьме. – Харальд поправил клинки, пристегнутые к поясу. – У меня в Храфнхейме даже нет тюрьмы.

Фрея фыркнула.

– Твое слово стоит для меня меньше, чем моча в горшке. Я не поеду в Храфнхейм. Дай мне проводника, и я сама доберусь до Саги. – Ее взгляд снова остановился на мне. – Любого, кроме Бьорна.

Ее слова не удивили меня, но все равно причинили боль.

– Я не вызывался добровольцем. – Я стряхнул с рукава кусочек водорослей. – Давай, отправляйся, Огнерожденная.

Я поплыву вверх по Римстрому в Храфнхейм, выберу себе быструю лошадь и доберусь до хижины моей матери на целых две недели раньше тебя. Я позабочусь о том, чтобы тебя ждал кубок медовухи, после долгого путешествия тебя наверняка будет мучить жажда.

Фрея ничего не ответила, но земля задрожала, и все напрыгались. Я только пристально посмотрел на нее.

– Валяй, – сказал я. – Отправь меня в Хельхейм. Попроси свою мать-богиню лишить меня места в Вальхалле. В прошлый раз это не сработало, но, возможно, в этот раз все будет иначе.

– Всеотец поблагодарит меня, что я избавила его от твоего голоса, – огрызнулась она. – Настоящим наказанием было бы отправить тебя куда-нибудь в одиночестве, где ты будешь досаждать только самому себе.

Харальд вздохнул и потер виски.

– Скажи мне, где находится это место, потому что оно наверняка лучше, чем стоять между вами. Фрея, выбор за тобой. На корабле или пешком.

Она нервно стиснула зубы, но за упрямством скрывался страх. Фрея оказалась в одиночестве во вражеских землях, и чувство вины грызло меня изнутри за то, что я ее поддел.

– Никто не помешает тебе встретиться с моей матерью, чтобы узнать правду, – сказал я. – Даю тебе слово.

Ее красные глаза вспыхнули, и она прошипела:

– К черту твое слово, Бьорн. Оно значит еще меньше, чем

слово твоего конунга.

Повернувшись, она направилась к драккару, Тора не отставала от нее ни на шаг.

Харальд выдохнул, жестом отослал воинов и отдал Скади приказ готовиться к отплытию. Затем он повернулся ко мне и достал из кармана браслет. Серебряное кольцо было хорошо мне знакомо, ведь он подарил мне его когда-то давным-давно, а потом взял на хранение, когда я отправился в Скаланд на поиски девы щита и мести.

– Фрея – ключ к тому, чтобы судьба Снорри исполнилась, – сказал Харальд. – Он не отдаст ее без боя и, как только будет уверен, что она здесь, придет за ней. Чтобы вернуть ее, он начнет войну против Нордланда. Я знаю, что ты умрешь, защищая ее, но будешь ли ты продолжать сражаться за свою родину? Ты все еще норд, сын мой?

Я взял серебряный браслет, металл приятно холодил ладонь, и вспомнил, как много это значило, когда он впервые подарил мне его. Он назвал меня защитником людей, приютивших меня и относившихся ко мне с добротой, когда казалось, что я потерял все.

– Норд навеки. – Я скользнул ладонью по руке до привычного места над локтем. – Как хорошо вернуться домой, отец.

Глава 3. Фрея

Ни одна часть меня не хотела снова садиться в драккар к норделандцам, потому что за моим гневом скрывался страх, от которого у меня сводило живот. Я посчитала возможным покинуть Скаланд вместе с Бьорном, потому что надеялась, что Снорри поверит в мою смерть. Что он не накажет моего брата или Ингрид и те, кто остался от моей семьи, смогут жить дальше. Однако из подслушанного мной разговора следовало, что Снорри не отказался от меня, а значит, Гейр, Ингрид и их нерожденный ребенок по-прежнему находились в опасности. Хотя мои отношения с братом сильно охладели, мне было неприятно, что его невинное дитя может пострадать.

И еще я эгоистично боялась за себя.

Мужчины и женщины на корабле, а также те, кто путешествовал на двух других судах, были теми самыми налетчиками, которых я боялась с детства. Каждый ребенок, выросший на побережье Скаланда, знал, что нужно спастись от драккара с синими полосатыми парусами. Знал, что при виде знамен с изображением белого волка нужно бежать и прятаться в лесу вместе со стариками, пока взрослые пытаются сразиться с опытными воинами, намеревавшимися забрать все ценное, и в первую очередь человеческие жизни. Мой дядя погиб во время набега, когда я была маленькой

девочкой, а тетю взяли в рабство, и больше о ней никто не слышал. Это были далекие воспоминания, но они никогда не забывались, и я не питала иллюзий, что окружающие меня люди были менее опасны. Особенно если учесть, что над нашими головами на ветру щелкал зубами белый волк.

– *Ты далеко не беспомощна*, – тихо прошептала я. Настоятельность, с которой норды держались от меня подальше, успокаивала и ужасала в равной степени, потому что они боялись меня, как боятся чудовища. Я слышала, как они перешептывались о том, что я сделала с воинами Харальда, когда они выследили нас с Бьорном. Как магия, дарованная мне Хель, вырвала их души из тел и отправила в Хельхейм, навсегда лишив залов Вальхаллы. Шептались, что только дети богов могут защититься от меня, что жизнь Харальда была спасена только потому, что другие боги вмешались, чтобы защитить любимого конунга Нордланда. Насколько я знала, это было правдой, поскольку магия Хель не коснулась его.

Они боялись меня, и я не могла винить их за это, потому что сама была в ужасе от себя. Я никогда не понимала, как может наступить жуткое будущее, которое предвидела Сага, если дарованная мне магия Хлин могла только защищать, но теперь мне было ясно, как я стану той чумой, которую она предсказала. Как в порыве гнева я могу убить десятки, сотни, возможно, тысячи людей и заточить их души во владениях Хель. Хельхейм не был проклятым местом, но, оказавшись там, воин навсегда лишался возможности сесть за стол

Всеотца и принять участие в последней битве, обещание которой придавало им храбрости встретить смерть.

Никто не должен обладать такой силой, и я тем более, поэтому я молча поклялась, что больше не буду использовать эту магию.

Я не стану этим чудовищем. Я отказываюсь.

Ты на пути к тому, чтобы узнать правду, кто ты есть, напомнила я себе. С правдой путь вперед будет ясен.

В противном случае я плыла к своей будущей тюрьме. Но это риск, на который я должна была пойти.

Плотнее закутавшись в шерстяной плащ, я смотрела на Бьорна, сидевшего рядом с Харальдом. Его полуночные волосы были стянуты в узел, татуировки по бокам головы слегка потемнели за несколько дней, проведенных без бритвы. Его щеки тоже заросли щетиной, но не настолько, чтобы скрыть резкую линию челюсти и скул. Харальд что-то сказал ему, и, когда Бьорн ответил, солнечный свет выхватил зелень его глаз, а также темные круги под ними.

Никто не помешает тебе встретиться с моей матерью, чтобы узнать правду, повторил голос Бьорна у меня в голове. Даю тебе слово.

Он казался искренним, но я понимала, что чувствовала то же самое, когда он нагло врал мне в глаза.

Витой серебряный браслет, которое теперь украшал его руку выше локтя, поблескивал на солнце, и я знала, что это подарок Харальда. Символ семьи и верности. Мой брат Гейр

тоже носил такой, подаренный Снорри, когда он вступил в его военный отряд, а до этого мой отец. Все воины Снорри носили их, и, хотя я заметила его отсутствие у Бьорна, не придавала этому значения. По глупости я списала все на его привычку избавляться от рубахи при любой возможности, а не на демонстративное неповиновение человеку, которого он, как оказалось, поклялся уничтожить.

В голове пронеслись непрощенные воспоминания о том, как мы поднимались по кишасим друзьями туннелям к Фьялльтиндру. Мы отдыхали вместе, тепло его топора и рук спасало от холода гор. Мы говорили о Нордланде, о том, как люди относились к нему, и я спросила, что он думает об идее Снорри пойти на них войной. *«Независимо от того, как я отношусь к людям, нужно отомстить тому, кто причинил боль моей матери, – ответил он. – Я дал клятву забрать у него все, и любой, кто встанет на моем пути, станет не более чем жертвой войны».*

Он говорил правду, и все же я слышала только то, что хотела услышать. Что Харальд был его врагом. Нордланд – вражеским. Ильва была права в своих обвинениях, и я вспомнила, как легко приняла ее враждебность за ревность, связанную с Лейфом. Как же я ошибалась.

Независимо от происхождения Бьорн был истинным нордом, и это делало его моим врагом.

Мои руки сжались в кулаки, и я отвернулась, чтобы больше не смотреть на него. К сожалению, в поле моего зрения

попала Тора.

Дитя Тора была на целую голову выше меня и шире в плечах. Она прекрасно владела любым оружием, но что делало ее по-настоящему опасной, так это молнии, которые вырывались из ее рук. Одна из которых чуть не убила меня, но вместо этого забрала жизнь Бодиль. Ее лицо было покрыто следами ожогов, оставшихся после того, как я своим щитом отразила ее молнию, направленную в ворота Гриндила. Ожоги все еще были ярко-красными, хотя прошло уже много времени, и я заметила, что она распускала свои длинные светлые волосы, чтобы скрыть их.

– Неужели у Харальда на службе нет целителя? – спросила я.

– Волунд – дитя Эйр. – Тора дернула подбородком в сторону одного из драккаров, плывших за нами. – Старый толстяк в зеленой тунике.

Я прищурилась, разглядывая другое судно, и наконец нашла розовощекого пожилого мужчину, который подходил под описание. Он выглядел полусонным, подпирая голову рукой, пока судно скользило по волнам.

– Почему же он не исцелил тебя?

– Мне было отказано в исцелении. – Голос Торы был бесстрастным, но я не упустила из виду, как она подняла руку, чтобы коснуться ран, которые казались болезненными и наверняка в будущем превратятся в шрамы.

Большую часть того, что я знала о способностях детей

Эйр, мне рассказала Лив, целительница, которая лечила мою руку после того, как я схватила топор Бьорна. По ее словам, Эйр непостоянна в своей магии: одни раны она исцеляла так, что казалось, будто их и не было, а другие, как, например, мою руку, – так, словно время и природа уже сделали свое дело. Некоторых Эйр вообще не исцеляла, свидетельницей чего я стала после нападения Гнута на Хальсар – многие раненые погибли, несмотря на то что Лив пыталась помочь им своей магией. Лив была хорошей женщиной, и я могла бы назвать ее подругой, если бы ее не убили, когда Гнут вернулся, чтобы завершить дело. Мне пришло в голову, что Тора тоже помогала Гнуту в той битве, и я сказала:

– Достойное наказание. Ты убила мою подругу и многих других.

Тора схватила мою правую руку и подняла ее так, чтобы солнце осветило шрамы.

– Возможно, Эйр увидела твое будущее и решила, что ты тоже заслуживаешь наказания. А я целилась не в Бодиль, а в тебя. Эта ошибка была одной из величайших в моей жизни.

Я вырвала свое запястье из ее хватки.

– Я познакомилась с Бодиль, когда была совсем маленькой и мой дядя искал возможности для торговли с ее кланом, – сказала Тора. – Она была свирепой воительницей, самой достойной женщиной из ныне живущих, и я сказала ей, что хочу быть похожей на нее. – Она вздохнула. – Я помню, как Бодиль подняла ногу, чтобы почесать ее, а потом улыб-

нулась и сказала: «Нет, не хочешь».

У меня заныло в груди.

— У нее чесались ноги, когда кто-то говорил неправду. Ты не хотела быть воительницей.

— Тогда нет.

— Что изменилось? — Я встретила взглядом с карими глазами Торы. В них плескалась старая печаль.

Прежде чем она успела ответить, Харальд положил руку ей на плечо:

— Ее дядя был плохим человеком и совершал плохие поступки. Но он давно мертв, не так ли, Тора?

— Да, мой конунг, — тихо сказала дочь Тора. — Ты казнил его.

— И с тех пор ты всегда рядом со мной. — Харальд похлопал ее по плечу. — Дитя моего сердца, если не моей крови, и воительница, которой могут противостоять лишь немногие. Ты одна из них, Фрея.

У меня мурашки побежали по коже, что-то в его словах настораживало, хоть я и не понимала, что именно.

— Дым!

Раздался громкий голос Скади, и все в драккаре посмотрели туда, куда указывала охотница. Поначалу дым был слабым, едва заметным, но быстро превратился в огромные черные столбы.

Налетчики.

— Скаландцы пришли! — крикнул кто-то с другого кораб-

ля. – Это Снорри пришел забрать свой приз!

Сердце заколотилось, и я поднялась на ноги. Как он мог оказаться здесь так скоро? Как это возможно?

Птица, которую я видела раньше на плече мужчины, с громким криком упала с неба, кружа вокруг своего хозяина, который плыл на другом корабле. Он проревел:

– Не скаландцы! Островитяне!

При упоминании об этом островном народе мои ладони стали влажными, потому что они время от времени совершали набеги на берега Скаланда. Когда они это делали, никто не оставался в живых. Однако сейчас каждый норд на всех трех кораблях был на ногах, и их голоса выражали ярость, а не страх.

– Похоже, островитяне заметили наше отсутствие и воспользовались этим, – сказала Скади. – Деревни остались без защиты.

Харальд сжал челюсти, его взгляд метнулся к столбам дыма.

– Они заплатят за это, потому что белый волк уже здесь. – Затем он прорычал: – Готовьте оружие, друзья мои, ибо мы плывем, чтобы искупаться в крови островитян!

Глава 4. Фрея

Дым казался далеким. Но пока мы летели вдоль побережья со скалистыми берегами и зеленеющими лесами, казалось, что прошло всего несколько ударов сердца, прежде чем в поле зрения появились корабли, раскрашенные в черный и желтый цвета. Без сомнения, это были островитяне. На берегу стояли три драккара с горсткой воинов, охранявших их. И хотя у нас было одинаковое количество кораблей, норды оказались в меньшинстве, потому что все воины, которые обычно плыли на корабле Харальда, благодаря мне отправились в Хельхейм. Единственными воинами на нашем драккаре были Бьорн, Тора и Скади.

И я.

Судя по вспышкам молний в деревне, у островитян были свои дети богов.

Бьорн прошел мимо меня на нос, и наши локти соприкоснулись. Я отодвинулась в сторону, чтобы увеличить расстояние между нами, злясь из-за реакции своего тела, которое, казалось, тянулось к нему против моей воли. Если Бьорн и заметил это, то не подал виду, поскольку его внимание было приковано к Торе.

– Ты поклялась убить Аркина еще до того, как я отправился в Скаланд, Тора, – сказал Бьорн, топор уже пылал в его руке. – Но, судя по вспышкам, он все еще жив.

От его фамильярного обращения у меня перехватило дыхание. Хотя он не отрицал, что знаком с Торой, он также позволил мне поверить, что видит в ней врага, хотя на самом деле это было совсем не так.

Тора нахмурилась:

– Аркин скрывался от меня, так что у меня не было возможности.

– Сейчас он не прячется. – Бьорн ухмыльнулся, от чего мне захотелось столкнуть его за борт. – Лучше сдержи свою клятву, чтобы люди не начали беспокоиться, что ты больше лаешь, чем кусаешь.

– Это говорит мужчина, который каждый день своей жизни клялся убить деву щита, а вместо этого трахнул ее.

Я нахмурилась в ответ на колкость, но Бьорн только пожал плечами.

– Если ты завидуешь моему выбору, то можешь найти укромное местечко и выяснить, щекочат ли пальцы Аркина так же хорошо, как его молнии. Я не стану осуждать тебя за это. Даже если он стар, уродлив и пахнет козлом.

– Откуда ты знаешь, как он пахнет, Бьорн? – лукаво улыбнулась Скади.

– Он упал на меня во время стычки, и я чуть не умер от вони, хотя, возможно, с тех пор он нашел ванну. Тора, можешь потом поделиться, что ты выяснила.

– Хватит болтать, дети, – прервал их Харальд, и я была благодарна ему за это. Я знала, что Бьорн знаком с ними, но

я полагала, что это произошло в плену. Я не подозревала, что они были друзьями. Что они были... семьей.

– Что ты будешь делать, Фрея? – Харальд уставился на меня своими серыми глазами. – Будешь сражаться с нами, чтобы защитить деревню, или останешься в драккаре?

Я напряглась от этой просьбы, потому что поняла, к чему он ведет. Он хотел, чтобы я призвала Хель забрать жизни и души островитян, завершив эту битву своим проклятием так, чтобы она ничего ему не стоила.

– Сражайся сам, – прошипела я. – Я не служу Нордланду и никогда не буду.

– Островные земли не дружественны скаландцам, – ответил он. – Они совершают набеги и на ваши берега.

– Враг моего врага – мой друг.

Он лишь пожал плечами.

– Как хочешь. – Повысив голос, Харальд крикнул: – Приготовиться!

Мое сердце бешено забилося, когда корабли нордов устремились к берегу, а островитяне, охранявшие драккары, наконец заметили наше приближение. Гонцы помчались по берегу в сторону горящей деревни, чтобы предупредить основной боевой отряд, а остальные подняли оружие и приготовились к бою. Их щиты были выкрашены в черный и желтый цвета, тела облачены в кольчуги и меха, а на головах красовались замысловатые шлемы, которыми они славились.

– Скади, – тихо сказал Харальд. – Покончи с ними.

– С радостью, мой конунг. – В ее руках появился светящийся лук. Натянув тетиву, она выпустила стрелу, и та, пролетев в воздухе, пронзила грудь мужчины. Желчь подкатила к горлу, и в голове пронеслось видение, как она делает то же самое с моей матерью, но тут Бьорн закричал: – Осторожно! Песок мокрый!

Я не поняла, почему это вызвало беспокойство, но все закричали и ухватились за все, что могли.

– Фрея! – прорычал Бьорн. – Держись! Там дитя...

Что бы он ни собирался сказать, его слова заглушил громкий стон под нашим драккаром, а затем корма судна поднялась из воды. Стейнунн закричала, цепляясь за мачту, в то время как Скади рискнула выстрелить еще раз, прежде чем броситься к краю, чтобы удержаться. Страх сковал мои внутренности, когда мы поднялись выше и драккар накренился. Я увидела мелькнувший серый силуэт.

Сын Ньёрда.

Среди островитян был сын Ньёрда, и он призвал кита.

Я успела лишь на мгновение задуматься, что такой человек может сделать в бою, прежде чем кит перевернул драккар. Я только успела глотнуть воздуха, прежде чем меня швырнуло в воду.

Я погружалась на глубину и не видела ничего, кроме пузырей и темноты, а мое тело постоянно переворачивалось, когда накатывала волна. Невозможно было понять, где поверхность. Где воздух.

Вода забурилась, и инстинкт заставил меня отпрянуть как раз перед тем, как передо мной пронесся массивный плавник. Затем он ударил снова, едва не задев меня во второй раз.

Я сильно толкнулась ногами и вынырнула на поверхность в тот момент, когда огромный серый кит опрокинул еще один драккар. Воины посыпались в море, а кит исчез в глубине.

Воцарился хаос, усугубленный тем, что третий драккар достиг берега и столкнулся с десятками ожидавших его островитян, включая печально известного Аркина. Молнии вылетали из его пальцев, проделывая дыры в рядах нордов и разбрызгивая дымящуюся кровь по берегу. Рядом с ним стоял мужчина, его сосредоточенный взгляд был устремлен к воде, и, какие бы планы он ни строил в отношении тех, кто находился в ней, они были далеки от завершения.

Что-то ударило меня по руке, я дернулась и обнаружила Тору, дрейфующую без сознания на поверхности воды рядом со мной.

– Фрея! – крикнул Бьорн. – Плыви!

Его взгляд был устремлен куда-то дальше в море.

Я повернулась в воде и вздрогнула, заметив черный плавник, стремительно приближающийся к нам с Торой.

Много черных плавников, и, в отличие от серого кита, у косаток были зубы.

Меня охватил ужас, но, когда я повернулась, чтобы по-

плыть к берегу, Тора дернулась и закашлялась. Она была еще жива, но явно не в себе от удара по голове, по ее щеке текла кровь.

Брось ее, шептал мой гнев. Она убила Бодиль.

Плавники были уже близко. И их было больше, чем я предполагала.

В этой смерти нет чести, ответила моя совесть, и это было первое, что я слышала от нее за очень долгое время. Но она все еще имела надо мной власть, и я потянулась к Торе, одновременно призывая Хлин. Магия заструилась по моим пальцам, укрывая тело Торы и мое собственное.

Черно-белая фигура атаковала, широко раскрыв пасть и обнажив острые белые зубы, и я закричала.

Но ее зубы впились не в тело Торы, а в магию, и косатку отбросило назад с невероятной силой.

Но это было только начало.

Целая стая косаток атаковала нас одна за другой, со всех сторон. Зубы сверкали и клацали. Вода от их бьющих плавников закручивала нас с Торой в воронку, и все мои силы уходили на то, чтобы удержать ее. Они не могли пробиться сквозь мою магию, но и я не могла вырваться.

Тора была вдвое больше меня, и я изо всех сил старалась удержать наши головы над водой, а косатки все приближались и приближались. Мы тонули в воде и страхе. Несмотря на это, во мне разгоралась ярость, потому что этих существ использовали вопреки их природе. Сын Ньёрда на бе-

регу был не лучше Враги. Ничем не лучше моего мертвого мужа, который использовал жизни невинных существ, чтобы мучить меня.

На нас накатила волна, и, хотя моя магия отбросила ее назад облаком брызг, мы все равно погрузились под воду. Я вынырнула, судорожно втянула воздух, пытаюсь разглядеть за атакующими косатками берег, где скрывалось управлявшее ими чудовище.

Мое сердце заколотилось. Нас отнесло далеко в море, и фигуры, сражающиеся на берегу, выглядели совсем крошечными. Косаткам не нужно было нас убивать, за них это делает вода.

– Тора! – Я поперхнулась соленой водой. – Очнись! Плы-ви!

Она моргнула, глядя на меня. Затем ее взгляд наполнился паникой, и с губ сорвался крик, когда косатка напала.

Ее пасть была достаточно большой, чтобы перекусить взрослого человека пополам и проглотить одну из частей целиком, а зубы были длиннее моих пальцев.

Зубы сомкнулись на ее вытянутой руке, но косатку подбросило в воздух, и она упала с таким всплеском, от которого океан всколыхнулся.

Тора билась, обезумев от страха и пытаясь уплыть. Я вцепилась в нее, как краб, пальцами обхватив ее грудь, а ногами – талию.

Не имея возможности плыть, мы погрузились под воду.

Отчаянно пытаюсь вдохнуть, я вцепилась в ее лицо и встретила с ней взглядом. Я хотела, чтобы она поняла, что происходит, пока мы погружались все глубже.

Вокруг нас бились плавники и взметались пузыри. Но Тора была воином, и на моих глазах она поборолла свой страх и кивнула.

Я убрала ноги с ее талии, и, держась за руки, чтобы удержать магию, мы вынырнули на поверхность.

И обнаружили, что нас отнесло еще дальше от берега.

– Они нас утопят, – вздохнула Тора и вздрогнула, когда косатка попыталась сомкнуть челюсти вокруг моих ног, но была отброшена волнами. – Мы должны убить их!

– Нет! – Я поперхнулась водой. – Они не виноваты! Он заставляет их это делать!

– Тогда мы умрем!

Тора рывком освободила руку, и сияние моей магии исчезло. Я схватила ее за плечо, и через мгновение она снова засияла. Она сжала ладони вместе и выругалась.

– Мне нужно избавиться от твоей магии!

Я покачала головой:

– Ты не можешь. Ты не можешь их убить.

– У нас нет выбора!

Она была права. Или жизнь косаток, или наша.

По моим щекам потекли слезы, и, зная, что никогда не прощу себе этого, я освободила руки Торы от своей магии.

Глава 5. Бьорн

Стая косаток приближалась, привлеченная магией крови Ньёрда.

– Фрея! – закричал я, но чья-то рука схватила меня сзади за тунику, не давая броситься к ней.

Я оттолкнул Харальда, но он снова вцепился в меня.

– Смотри! – кричал он. – Смотри!

Вспыхнуло знакомое серебристое сияние, когда Фрея подхватила неподвижную Тору и накрыла ее магией за мгновение до того, как одна из косаток бросилась в атаку. Сердце замерло от уверенности, что они погибли, а затем косатка перевернулась в воздухе. Стая приблизилась, но свечение не ослабевало. Я не мог разглядеть ее сквозь брызги воды и мелькание плавников, и с каждой секундой ее уносило все дальше в море. А косатки продолжали атаковать их, пытаясь утопить. Не потому, что они этого хотели, а потому, что сын Ньёрда повелевал ими.

Ярость вскипела у меня в груди, и я повернулся, на мгновение отвлекаясь от сражения на берегу, чтобы посмотреть на двух мужчин, стоящих за линией плавника². У одного из них были медные волосы и борода, спускавшаяся почти до большого живота. Другой – такого же роста, как я, и уродли-

² Плавник – это лес, который когда-то сплавляли по рекам, но часть бревен попала в море, и со временем их прибило к берегам.

вее, чем кошаच्या задница. Оба дети богов. Оба указывали на Фрею и Тору, и я смог прочитать по губам, что они говорили.

Дева щита.

Сын Ньёрда кивнул и поднял руки, его длинная борода развевалась на ветру. Его взгляд сосредоточился на Фрее, и он снова погнал на нее косаток. Он готов был причинить столько вреда этим существам, сколько потребуется, чтобы уничтожить ее, потому что даже в Островных землях знали о пророчестве моей матери.

– Ты умрешь, – прошептал я. – И твоя смерть не будет легкой.

Я поплыл к берегу, и волны швырнули меня в прибой, словно сам Ньёрд решил положить конец издевательствам над морскими существами. Скади неподвижно лежала на песке, Стейнунн рядом с ней пыталась привести ее в чувство. Я проигнорировал их и помчался по берегу, на бегу подобрав чей-то щит.

Рев моря смешивался с лязгом стали и криками воинов, сошедшихся в беспощадном бою. Передо мной простиралась береговая полоса, песок был залит кровью мертвых и умирающих. Один из островитян замахнулся на меня топором, но я лишь отразил его удар и побежал дальше, пробираясь между товарищами и врагами, захваченными смертельным танцем, и не сводя глаз с сына Ньёрда.

Он не обращал на меня внимания, сосредоточившись на косатках, пока Аркин пускал молнии в тех, кто все еще оста-

вался в воде, — они оба были надежно защищены своими воинами. Они думали, что я в Скаланде, а значит, считали Сканди и Тору единственной силой в военном отряде Харальда, способной противостоять их магии.

Они ошибались.

— Тюр! — Я перепрыгнул через неподвижное тело, внутренности которого смешались с высыхающими водорослями. Воины, охранявшие пару, наконец обратили на меня внимание, но было уже слишком поздно. — Даруй мне свое пламя.

В моей руке появился топор. Мне он казался прохладным, но я заметил, как островитяне отпрянули от его жара. Их глаза расширились, а рты приоткрылись, чтобы воскликнуть:

— Огнерукий!

Я бросился на них, крики боли окружили меня, в нос ударило шипение горячей крови. Я ненавидел этот запах. Он преследовал меня во сне, кошмар, от которого я не мог избавиться, но сейчас я наслаждался им. Воины падали под моими ударами, сжимая отрубленные конечности, которые не кровоточили, и вонь обугленной плоти усиливалась.

Аркин поднял руки, и между ними сверкнула вспышка. Молния полетела ко мне и взорвалась, ударившись о топор, бог против бога. От удара я отступил на шаг назад, звук был оглушительным, а свет настолько ярким, что у меня зарябило в глазах.

Слева на меня с криком бросился воин в шлеме, и я уда-

рил его щитом наотмашь. Обод раскрыл его череп, и он был мертв еще до того, как упал на землю. Сверкнула молния, и я инстинктивно пригнулся, занося руку для удара.

Аркин закричал, когда мой топор вонзился в его руку. Он пошатнулся, но я не стал задерживаться, чтобы добить его, потому что человек, пытавшийся убить мою Фрею, бежал по берегу.

Ему следовало бежать быстрее.

Я метнул топор. Лезвие просвистело по воздуху и отсекло одну из его ног. Когда он упал, топор снова появился в моей руке. Я бросился к нему, его крики едва проникали в мои оглушенные уши. Сын Ньёрда перекатился на спину, сжимая в руке нож. Он метнул его в меня, но я отбил лезвие и уперся ногой ему в грудь.

– Отзови косаток, – сказал я. – Освободи их разум от своих оков.

– Только если ты отпустишь меня! – взмолился он. – Отпусти меня, и я отзову их.

– Отзови их! – Я приставил лезвие топора к его горлу. Плоть зашипела и задымилась. Он закричал, громко и пронзительно, дико жестикулируя в сторону моря. – Они ушли! Они ушли! Остановись!

Я оглянулся через плечо и увидел, что косатки стремительно удаляются от Фреи и Торы. Затем я снова перевел взгляд на мужчину, лежащего на земле подо мной.

– Ты позоришь свою кровь. – Я надавил на свой топор,

и лезвие ярко вспыхнуло, прожигая его до самого позвоночника.

Его вой перешел в бульканье, когда кровь закипела в пламени Тюра, а от его чернеющей, пузырящейся плоти пошел дым. Плохой способ умереть, но подходящий для этого ублюдка, и я отпихнул ногой нож, который он сжимал в руке. Его глаза потемнели, и я пробормотал проклятие, чтобы боги обрекли его душу на холодные глубины Нифльхейма.

Фрея.

Отвернувшись от трупa, я быстро отступил назад, заметив Аркина всего в дюжине шагов от себя. Из почерневшей раны на его руке сочилась кровь, но между ладонями сверкали молнии.

– Тебе не следовало возвращаться, Огнерукий.

Он внезапно пошатнулся, но молния все равно вырвалась из его рук и вонзилась в песок у моих ног. Я отпрыгнул назад и едва удержал равновесие. Убей его, прорычала моя ярость, и я поднял топор, чтобы отправить мерзкого ублюдка на встречу со смертью. Но увидел, что в груди Аркина появилась черная дыра.

Аркин сделал один шаг ко мне. Потом два. Он поднял ногу, чтобы сделать третий шаг, но жизнь покинула его глаза, и он упал, уткнувшись лицом в песок.

Я тут же посмотрел в море, пытаясь найти лицо Фреи. Она барахталась в воде далеко от берега, а рядом с ней Тора опускала руки с исчезающей между ними молнией. Я кивнул

женщине, которая прикрывала мою спину больше раз, чем я мог сосчитать, – женщине, которую я когда-то называл своей сестрой. Тора склонила голову и поплыла рядом с Фреей. Я смотрел на них еще мгновение, позволяя себе увериться, что они в безопасности, а затем помчался в сторону дыма и криков, доносившихся из деревни.

Глава 6. Фрея

Мы с Торой боролись с прибоем, и мое тело трясло от усталости, когда ноги наконец коснулись песка. Битва переместилась в деревню, и на берегу не осталось воинов. Все выжившие рабы неподвижно стояли на коленях на песке, опустив головы в капюшонах. Странность их поведения, возможно, привлекла бы мое внимание, если бы оно не было приковано к Стейнунн и Волунду, которые стояли на коленях рядом со Скади.

Охотницу рвало кровью. Ее правая рука безвольно висела, и, судя по неудобному углу, она была сломана.

Стейнунн нервно поглядывала на меня, пока мы с Торой, спотыкаясь, выбирались из воды.

– Драккар ударил Скади, когда перевернулся, – сказала она. – Она не может сражаться.

– Нет, я могу. – Скади сплюнула еще больше крови, а затем медленно поднялась на ноги. Она сжимала светящуюся зеленую стрелу с убийственно острым наконечником.

– Ложись, идиотка, – огрызнулся Волунд. – У тебя половина ребер сломана.

Скади только откинула с лица мокрые пряди красных волос:

– Я в порядке. Я могу сражаться.

Сама мысль об этом была бы смехотворной, если бы не от-

чаянный страх в глазах женщины, когда она смотрела на сражение, видневшееся сквозь деревья. Мне было знакомо это желание выйти за пределы возможностей своего тела, чтобы сразиться с теми, кто пытается причинить вред мне и моим близким.

Тора, похоже, была менее тронута, лишь покачав головой:
– Я пойду, Скади. Ты останешься с Фреей.

– Не тебе указывать мне, что делать, – прошипела Скади. – Я могу сражаться.

Дочь Тора лишь слегка подтолкнула охотницу в спину.

– Ты же знаешь, как Харальд относится к глупым решениям, Скади. Ты можешь выжить в этой схватке и потом пожалеть, что сделала это. Спрячься в лесу, пока все не закончится.

И без того бледное лицо Скади потеряло последние краски, и она напряженно кивнула:

– Хорошо. Иди. Волунд, помоги мне, чтобы я могла присоединиться к ним.

Тора бросилась бежать по берегу в сторону деревни, и я едва не последовала за ней. Битва пела в моей крови, лязг стали, доносившийся совсем рядом, звал меня по имени. И все же я не могла сдвинуться с места.

В голове звучал голос Харальда:

Будешь ли ты сражаться с нами, чтобы защитить деревню?

Сердце заколотилось, грудь наполнила тревога, потому

что ноги словно приросли к песку.

Я клянусь не служить никому, кто не принадлежит этой крови. Я молча повторила клятву, которую дала Ильве. Слова, скрепленные магией крови. Я стиснула зубы так сильно, что рисковала сломать их. Принять участие в бою означало служить Харальду, но магия Ильвы удерживала меня от этого.

Стейнунн и Волунд помогли Скади подняться по берегу к деревьям, чтобы укрыться. Я глубоко вздохнула, опасаясь, что клятва удержит меня на месте до окончания битвы, но тут мои ноги сдвинулись с места. Я наклонилась, чтобы поднять чей-то упавший щит и небольшой топор. Никто из троицы передо мной не сделал ни малейшего движения, чтобы помешать мне вооружиться, хотя Стейнунн то и дело оглядывалась через плечо, словно не сомневалась, что я всажу топор ей между лопатками.

Я оскалилась. Она могла ударить меня в спину, но я не была настолько подлой, чтобы сделать то же самое.

Ты могла бы убежать.

Мысль вертелась у меня в голове, искушая своей разумностью. Ни скальд, ни целитель не остановили бы меня, а Скади со сломанной рукой не смогла бы натянуть лук. Да и вообще преследовать меня, поскольку едва ходила. Нордланд был диким краем, где человек мог пропасть без следа.

Если бы я исчезла в глуши, чтобы жить в одиночестве, я бы не смогла никого проклясть. Я бы скрылась от всех муж-

чин, отчаянно пытающихся использовать меня для обретения власти.

Но сбежать означало никогда не поговорить с Сагой и не узнать правду о том, что она видела. Это означало потерять единственную возможность узнать больше о магии, подаренной мне Хель вместе с ее каплей крови.

Стоило ли это знание моей свободы? Была ли я идиоткой, не желающей пользоваться представившимся шансом?

Мои шаги замедлились, расстояние между мной и троицей увеличилось незаметно для них.

Беги.

Мое тело напряглось, готовое сорваться с места. Но тут мои глаза уловили вдалеке знакомый отблеск топора Бьорна. Он сражался за нордов, но горечь этого факта каким-то образом уменьшали тела на берегу. Рыбаки, погибшие ради того, чтобы налетчики могли забрать то небольшое, что у них было. Сквозь деревья я видела ряды связанных пленников, которых островитяне намеревались взять в рабство. В основном это были молодые женщины. Нордландки, и, если бы не магия в моих жилах, я бы ничем не отличалась от них. Жена рыбака, пытающаяся выжить в суровом мире.

Беги.

У меня не было припасов. Я не знала местность. И, поскольку Скади служила Харальду, шансы, что меня выследят, были высоки. Неудавшийся побег мог привести к тому, что Харальд решит лишить меня свободы и связать, и тогда

станет куда сложнее совершить еще одну попытку.

Лучше выждать время.

Лучше узнать все, что смогу.

Лучше...

Мои мысли оборвались, когда из-за деревьев выскочило несколько воинов, их замысловатые шлемы и выкрашенные в желтый цвет щиты выдавали в них островитян. Они не заметили нас, потому что все их внимание было сосредоточено на кораблях. За собой они тащили группу плачущих детей.

У меня внутри все сжалось.

С раннего возраста детей учили брать младенцев и убегать в лес, чтобы спрятаться во время набега. Нас также учили не сбиваться в кучу. Но я помнила, как страх заставлял нас прижиматься друг к другу, держаться за руки и задерживать дыхание в своих укрытиях. Этих детей нашли.

– Нет! – Скади, спотыкаясь, прошла мимо меня и упала на колени, по подбородку потекла кровь. Пошатываясь, она поднялась на ноги, но снова упала, а затем попыталась ползти к детям, сжимая в руке светящуюся стрелу.

Харальд приказал мне защищать деревню. Он ничего не говорил о защите детей на берегу. Не знаю, отреагировали ли Скади, но я уже бежала.

– Хлин, – прорычала я, – надели меня своей силой.

Магия взорвалась над моим щитом и скрыла своим сиянием цвета Островных земель, нанесенные на дерево. Островитяне кричали рабам Харальда, чтобы те помогли им, се-

ли в драккар, но никто не двинулся с места. Из-за черных капюшонов, скрывавших большую часть их лиц и неподвижных поз, они казались статуями, вросшими в песок.

Я преодолела половину пути, прежде чем воины услышали мои шаги и обернулись, но через несколько мгновений я уже оказалась рядом. Топор не был моим любимым оружием, но, клянусь богами, за свою жизнь я нарубила достаточно дров, чтобы знать, как им пользоваться.

С криком я увернулась от одного воина и обрушила маленький топор на плечо другого. Кровь брызнула мне в лицо, когда я выдернула его и развернулась, чтобы отразить удар меча первого воина своим щитом. Моя магия отбросила его прочь, и, когда он пошатнулся, я бросилась на него и стала рубить, как одержимая.

– Сзади! – крикнула Скади, и я перекатилась. Топор обрушился на мой щит, отбросив воительницу в сторону. Я вскочила на ноги и едва успела отразить удар другого воина. Дети кричали и прижимались друг к другу, а в моей груди пылала ярость от того, что им приходилось переживать такое. Страдать из-за того, что власть имущие всегда хотели *больше, больше, больше*, не заботясь о том, во что это обходится другим.

С криком я по колено отрубила ногу воина и заскользила по песку, пропитавшемуся кровью. Но поодаль показалось еще больше островитян, спасающихся бегством от резни в деревне. Они отступали, чтобы выжить и сразиться в другой

день, и они заберут у меня детей.

Ты можешь остановить их, прошептала Хель в моей голове. Прокляни этих похитителей детей.

Нет. Мой желудок скрутило, когда я врезалась щитом в лицо воина, наконец оказавшись между островитянами и детьми. Но их было слишком много.

Я не могла одна справиться со всеми.

Они убьют меня и заберут детей.

Прокляни их, Фрея, прошептала Хель. Отдай этих подлых людей мне и спаси детей.

– Отойдите! – крикнула я воинам, и в груди у меня поднялась кислая волна отчаяния. – Оставьте их!

Островитяне настороженно кружили, бросая взгляды то в сторону деревни, то на меня. Они боялись, что Бьорн и Тора будут преследовать их, но не хотели без боя упускать добычу, которую представляли собой эти дети.

– Отойди, горянка, – прорычал один из них, крупный мужчина со шлемом, вырезанным в виде медвежьей пасти. – Это не твоя битва.

– Я дочь Хлин. – Я подняла свой щит. – Битва у меня в крови.

– Да будет так. – Медвежий шлем сверкнул, когда он бросился в атаку, направляя мощный нисходящий удар на мой щит.

Но в последний момент он изменил направление.

Вместо этого он полоснул меня по бедрам, и, хотя я отско-

чила назад, острие его меча все равно оставило неглубокую рану. Я приземлилась на задницу и едва успела откатиться в сторону, как его клинок обрушился на меня. Он снова зацепил меня, потом отступил, когда я подняла щит, и начал кружить вокруг, чтобы найти лучший угол для атаки. Как будто у него был опыт сражений с кем-то, обладающим магией Хлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.